

Русская Православная Церковь
Московская епархия

Приходской листок

Благовещенского храма д. Матвеевское

№33 (28 октября 2012 года).

Неделя XXI по Пятидесятнице.

Апостольское чтение на литургии

...однако же, узнав, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона; ибо делами закона не оправдается никакая плоть.

Если же, ища оправдания во Христе, мы и сами оказались грешниками, то неужели Христос есть служитель греха? Никак.

Ибо если я снова созидаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником.

Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня.

(Послание к Галатам святого апостола Павла, Глава 2, 16-20).

Притча о сеятеле и семенах

Шел сеятель с зернами в поле и сеял;
И ветер повсюду те зерна развеял.
Одни по дороге упали; порой
Их топчет прохожий небрежной ногой,
На них нападает голодная стая.

Другие на камень бесплодный легли
И вскоре без влаги и корня взошли, -
И в пламенный полдень дневное светило
Былинку палящим лучом иссушило.

Средь терния пало иное зерно,
И в тернии диком заглохло оно...

Напрасно шел дождь и с прохладной зарею
Поля освежались небесной росой;
Одни за другими проходят года -
От зерен тех нет и не будет плода.

Но в добрую землю упавшее семя,
Как жатвы настанет урочное время,
Готвя стократно умноженный плод,
Высоко, и быстро, и сильно растет,
И блещет красую, и жизньню дышит...

Имеющий уши, чтоб слышать, – да слышит!

(Алексей Жемчужников, 1851)

Евангельское чтение на литургии

...вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его; ба иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги; 7а иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его; 8а иное упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный. Сказав сие, возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит!

Ученики же Его спросили у Него: что бы значила притча сия?

Он сказал: вам дано знать тайны Царствия Божия, а прочим в притчах, так что они видя не видят и слыша не понимают.

Вот что значит притча сия: семя есть слово Божие; а упавшее при пути, это суть слушающие, к которым потом приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись; а упавшее на камень, это те, которые, когда услышат слово, с радостью принимают, но которые не имеют корня, и временем веруют, а во время искушения отпадают; а упавшее в терние, это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода; а упавшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении. Сказав это, Он возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит!

(Евангелие от Луки, Глава 8, 5-15).

Святоотеческое поучение

Под терниями и волчцами, подавляющими слово Божественной истины, кроме богатства, сластей и скорбей житейских, в нынешнее время надо разуметь и разные ложные учения, распространяемые учеными, потерявшими истину и сбившимися с пути к ней. Таких учений у нас расходуется много: иные гласно и открыто идут против истины; другие - под условными намеками, понятными, однако, тем, к кому направляются. В существе они действуют как угар; незаметно входя, омрачают голову и доводят до потери ясного сознания всего окружающего. Кто нахватается этого угара, тот начинает бредить, как сонный, ибо все представляется ему уже совсем не в том виде, как оно есть и как представляется находящемуся в здравом уме. Встретив такое лицо, вы видите, что у него подавлена не только истина всякая, но заглушено и чувство истины, и ложь внедрилась во все составы ума. Как же быть? Не слушать и не читать этих бредней, а когда невольно услышалось или прочиталось, - выбрось из головы, а когда не выбрасывается, - подвергнуть рассуждению, и все разлетится, как дым. *(Святитель Феофан Затворник. Мысли на каждый день года).*

Дорогие братья и сестры! Просьба не использовать приходской листок в хозяйственных целях.

Конфуз

Как рассказывали мне монахи, отец А. прежде был насельником Троице-Сергиевой Лавры, откуда его сослали «с глаз долой» в Псково-Печерский монастырь. И вот за что. Еще в советские времена в нижнем храме Успенского собора он устраивал отчетки бесноватых, и к нему приезжало отовсюду множество народа. А Лавра была в брежневские времена официальной «туристической точкой» – туда возили и иностранные делегации, и высокопоставленных лиц. Это имело важное идеологическое значение, ибо должно было засвидетельствовать гражданам других государств отсутствие у нас гонений на Церковь и полную свободу совести.

Привезли туда как-то раз группу важных чиновников, к тому же – иностранного, капиталистического происхождения. И один из наших крупных чинов, ответственный работник, повел их на экскурсию в Троице-Сергиеву Лавру.

Они подивились ее величию, неземным красотам монастырских храмов, особой благорастворенности воздухов, а ответственный работник, чтобы они не слишком увлеклись всем этим опиумом, стал им рассказывать о монахах какие-то байки – про подземный ход, по которому они якобы вылезают далеко за пределами монастыря и вольно разгуливают по городам и весям, про то, как они добавляют в воду химические вещества, а потом выдают ее за святую, – словом, нес какую-то такую чушь. Потом что-то «на юморе» от себя добавил, скабрзное, не уставая напрягать лицевые мышцы иронической гримаской: мол, мы-то с вами все правильно понимаем! А стояли они стайкой на площади перед Успенским собором, по которой отец А. – уже в епитрахили, в поручах — как раз шел на «вычитку» в нижний храм. И что-то зацепило его на ходу, так что он на минуту задержался возле этих экскурсантов – какая-то фраза этого ответственного работника его насторожила, царапнула: он даже подошел к нему поближе – послушать. И вот когда он приблизился, этот безбожный краснойбай вдруг изменился в лице, сложил губы трубочкой, прижал руки в груди, сломав их в запястьях, как собачка, которая, стоя на задних лапках, «служит», и завыл по-собачьи, а потом еще и залаял. Экскурсанты переглянулись, но поскольку лай был очень уж натуральным, они решили, что это он так шутит. И талантливо шутит, надо сказать. Точь-в-точь немецкая овчарка заливается. Поэтому они заулыбались, засмеялись, а потом еще и зааплодировали: «Ишь, артист!»

А он – минуту, другую – знай себе брешет. Схватил самого себя за горло и – не может остановиться. Красный весь, глаза навывкате – вот-вот из орбит выпрыгнут, а он все – гав-гав-гав-гав-гав, гав-гав-гав-гав-гав...

Постоял, постоял возле него отец А., потом накрыл его голову епитрахилью, и тот умолк. А старец ему и говорит:

– Милый, тебе лечиться надо. Болен ты. Бес в тебе! Приезжай ко мне, я тебе помогу.

С тем и пошел себе в храм. ...Через несколько дней этого старца и услали в далекий провинциальный Псково-Печерский монастырь, подальше от людских глаз и толп. На всякий случай. А то – мало ли какому высокому чиновнику еще понадобилось бы посетить Лавру, и кто знает, какой еще конфуз мог бы там с ним при отце А. выйти: стал бы вдруг орать, как ишак, ржать, как лошадь, или кричать петухом, смущая народ. Мало ли что...

Повелитель дождя

Архимандрит Серафим (Тяпочкин) служил в селе Ракитное Белгородской области. Храм в Ракитном, когда он приехал туда, был в плачевном состоянии — достаточно сказать, что в огромном куполе была дыра, и снег падал на престол и жертвенник, когда отец Серафим служил литургию. Однако его подвижническими трудами, молитвами и помощью Божией церковная жизнь здесь стала возрождаться, и вскоре отремонтированный и отреставрированный храм наполнился прихожанами и паломниками, приезжавшими сюда из всех уголков земли и почитавшими отца Серафима как старца.

Служение его приходилось на времена безбожной власти, которая, видя такое процветание и многолюдство в его обители, чинила препятствия как ему самому с его клиром, так и приезжавшим к нему людям: их порой задерживала милиция или пугала проинструктированная где надо местная шпана. Докучали батюшке и уполномоченный, и местная администрация, наступая всем своим идеологическим фронтом, но особенно ретиво боролся с ним секретарь обкома. Но отец Серафим переносил это все благодушно. Когда кто-нибудь из прихожан заговаривал с ним о безбожной советской власти, старец мягко отвечал: — Это попушение Божие. Давайте лучше поговорим о духовном...

И вот летом, кажется, это был 1972 год, страну поразила долгая страшная жара и засуха. Больше месяца не было дождя, все выгорало, урожай погибал. А секретарю обкома это грозило не то что строгим выговором, а вообще изгнанием с занимаемой должности, чего он, конечно, очень боялся.

И вот как-то раз такой удушливо-знойной ночью слышит отец Серафим, как кто-то стучится в его священнический домик.

Открыл он дверь, а там — секретарь обкома стоит, дрожит, палец к губам прикладывает: мол, тише, — те! — товарищ отец Серафим, я к вам тайно и по очень важному государственному делу. Впустил его отец Серафим. А секретарь обкома и говорит так заискивающе и просительно: — Святой отец, засуха, урожай гибнет! Помолитесь, чтобы дождь пошел! И даже неловко поклонился в пояс священнику. На следующее утро после литургии отец Серафим устроил большой крестный ход — на поля, где и совершил водосвятный молебен, прося Господа не погубить посевы и сохранить урожай. Только успел он переступить порог своего домика, как на небе собрались тучи и хлынул крупный дождь. Он шел целый день и целую ночь, и снова день и ночь, и неделю, и две. Колосья уже стали чернеть от воды, а дождь все идет. Все стучит по крыше ночь напролет. Так и весь урожай сгнить может, а секретаря обкома за это погонят с его места поганой метлой. И снова — как-то ночью раздастся отцу Серафиму стук в дверь. И опять на пороге стоит вымокший и жалкий секретарь. — Отец Серафим, спасибо вам, конечно, за дождь, но как бы теперь его приостановить, а? Мол, хватит уже, спаси Господи! Может, вы там снова, наверху, попросите, чтобы солнце засияло, чтобы урожай успеть убрать, траву покосить, стога высушить? Замолвите уж словечко! Отец Серафим на следующее утро после литургии отслужил молебен, и на небе засияло солнце, высохли лужи, и установилась ясная ровная погода.

Олеся Николаева